

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061

Правовые ограничения применения систем поведенческой оценки в пенитенциарной среде в зарубежных странах

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется применение иерархических систем поведенческой оценки (поведенческих уровней) в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран как инструмента управления поведением осуждённых. На основе синтеза данных пенитенциарной социологии, социальной психологии закрытых институтов и теории оперантного обусловливания раскрываются функциональные парадоксы таких систем: трансформация стимулирующей модели в преимущественно негативный контроль, эффект депривации, субъективность оценки и институциональная предвзятость, нерелевантность структуры привилегий для индивидуальных мотивационных профилей. Особое внимание уделяется правовым ограничениям их применения: соответствию систем принципам законности, пропорциональности, правовой определённости и уважения достоинства личности, закреплённым в международных актах (правила Нельсона Манделы) и национальных законодательствах зарубежных государств. Анализируются риски нарушения принципа равенства, отсутствие эффективных механизмов обжалования и проблема дискриминации уязвимых категорий (лиц с нейроотличиями). На основе эмпирических данных о неоднозначной эффективности поведенческих программ обосновывается необходимость перехода от парадигмы контроля через ограничение к парадигме вовлечения через развитие, а также усиления правовых гарантий, судебного контроля и психологической компетентности персонала. Делается вывод, что институциональная среда, сформированная на формально рациональных, но дефектных поведенческих моделях, может выступать не фактором ресоциализации, а закрепления дезадаптивных паттернов, что требует выработки единых международных правовых стандартов оценки таких систем.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Правовые ограничения применения систем поведенческой оценки в пенитенциарной среде в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 594-601. DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061

Ключевые слова

Пенитенциарная среда, поведенческие уровни, иерархические системы оценки, дезадаптация, негативный контроль, субъективизм оценки, принцип пропорциональности, правила Нельсона Манделы, уголовно-исполнительное законодательство, ресоциализация, дискреционные полномочия, судебный контроль, зарубежный опыт, правовые ограничения.

Введение

Феномен пенитенциарного учреждения как социального института на протяжении длительного времени остаётся предметом научного анализа, преимущественно в аспекте социологии девиантного поведения, социальной психологии закрытых групп и криминологии [Clifford, 2019; Hesselink-Louw, 2004]. Эмпирические исследования, составившие основу современной пенитенциарной науки, демонстрируют, что управленческие стратегии и материальные условия содержания выступают не нейтральными или второстепенными факторами, но непосредственными детерминантами социального климата учреждения, предопределяющими частоту и интенсивность деструктивных проявлений [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

Данный вывод приобретает критическое значение для обоснования институциональных преобразований, направленных на пересмотр устоявшихся подходов к организации пенитенциарной среды [Lösel, 2001; Clifford, 2019]. Требуется смещение вектора управленческих воздействий на стратегии, учитывающие психосоциальные потребности индивидов и ориентированные на создание стабильной, предсказуемой и более безопасной атмосферы [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Однако осмысление этого исследовательского наследия требует выхода за рамки простой констатации корреляционных связей и углублённого анализа конкретных управленческих инструментов [Walton, Elliott, 2025].

Одним из наиболее сложных и противоречивых аспектов современной пенитенциарной практики выступает применение иерархических систем поведенческой оценки (поведенческих уровней), призванных стимулировать правопослушное поведение, но в реальной реализации нередко возникают эффекты, прямо противоположные заявленным целям [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

Основная часть

Системы поведенческих уровней, широко распространённые в практике зарубежных пенитенциарных учреждений (особенно в США и Великобритании), представляют собой иерархически выстроенные структуры, в которых объём доступных привилегий и степень режимных ограничений ставятся в прямую зависимость от актуальной поведенческой оценки индивида [Walton, Elliott, 2025; Ross, 2026]. Внешне такая модель выглядит эффективной в своей логической простоте и управленческой целесообразности: соблюдение порядка и участие в реабилитационных программах становятся причиной восходящей траектории с расширением благ и ослаблением ограничений, тогда как отклонения от предписанных норм оперативно становятся причиной понижения статуса с ужесточением условий содержания [Clifford, 2019].

Данная схема апеллирует к фундаментальным принципам бихевиористской психологии, в частности к теории оперантного обусловливания Б. Ф. Скиннера, предполагающей, что

подкрепление желательных паттернов и наказание нежелательных способны эффективно модифицировать поведение в заданном направлении [Lösel, 2001; Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Отдельные количественные оценки эффективности подобных интервенций демонстрируют положительные сдвиги, выражающиеся в снижении частоты агрессивных проявлений и нарушений режимных требований [Walton, Elliott, 2025]. Однако более критический анализ, опирающийся на методологию социологии девиантного поведения и социальной психологии закрытых институтов, позволяет выявить принципиальные ограничения и скрытые дисфункции этой модели [Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012; McMurran, 1994].

Наиболее значимое противоречие обнаруживается в том обстоятельстве, что система, целью которой является формирование механизма позитивного стимулирования, на практике с высокой вероятностью трансформируется в инструмент преимущественно негативного контроля [Deambrogio, 2025]. Эмпирические наблюдения, накопленные в рамках пенитенциарной социологии, свидетельствуют, что в практике исправительных учреждений единственным систематически применяемым инструментом поведенческого регулирования становится изъятие ранее предоставленных привилегий или материальных благ с целью снижения частоты нежелательных действий [Ross, 2026; Albertson, 2026]. Соблюдение режима и демонстрация просоциальных паттернов, напротив, часто остаются без должного позитивного подкрепления [Lösel, 2001].

С позиций теории подкрепления, отсутствие систематического поощрения за желательное поведение может привести к постепенному угасанию этих просоциальных паттернов, поскольку индивид не получает достаточных оснований для их воспроизводства [Lösel, 2001; McMurran, 1994]. Такая асимметрия создаёт демотивирующую институциональную среду, в которой пассивное принятие режимных требований воспринимается не как достижение, достойное вознаграждения, а как статус-кво, не приносящий ощутимых выгод [Clifford, 2019]. В результате подрывается потенциал внутренней мотивации личности к самоизменению, а взаимодействие индивида с институциональной системой редуцируется до стратегии избегания негативных санкций [Deambrogio, 2025].

С правовой точки зрения, такая практика ставит вопрос о соблюдении принципа пропорциональности: применение негативных санкций должно быть соразмерно тяжести нарушения и не должно приводить к неоправданному лишению осуждённого основных благ, гарантированных законом (питание, медицинская помощь, свидания, переписка) [Ross, 2026; Prins, 1995]. В противном случае возникают основания для квалификации таких мер как не соответствующих ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) [Ross, 2026].

Противоречие обретает особую остроту в ситуациях, когда индивид в силу различных обстоятельств оказывается на нижних уровнях иерархической лестницы и лишается всех доступных привилегий [Clifford, 2019]. В этом состоянии, которое может быть охарактеризовано как ситуация депривации, логика поведенческого контроля через систему негативных санкций утрачивает свою эффективность [Hesselink-Louw, 2004]. Индивид, у которого уже изъяты все возможные блага, перестаёт воспринимать угрозу дальнейших санкций как значимый сдерживающий фактор, поскольку его положение не может быть ухудшено в сколько-нибудь существенной степени [Prins, 1995; McMurran, 1994].

Напротив, подобное состояние может порождать ощущение безысходности, отчуждения и фрустрации, при которых отсутствие позитивных стимулов лишь укрепляет привычные

деструктивные способы реагирования на стрессовые обстоятельства [Hesselink-Louw, 2004; Clifford, 2019]. Для личности с продолжительной историей конфликтного взаимодействия с социальным окружением и склонностью к импульсивным или агрессивным реакциям подобная институциональная среда может стать катализатором, усугубляющим дезадаптивные паттерны [McMurran, 1994; Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Таким образом, система, замысленная как инструмент превентивного сдерживания и коррекции, парадоксальным образом создаёт условия, в которых эскалация деструктивных проявлений становится институционально предопределённой, особенно среди категории лиц с наибольшей степенью социально-психологической дезадаптированности [Walton, Elliott, 2025; Lösel, 2001].

Следующий критический аспект связан с неизбежной субъективностью и сопряжённым с ней риском институциональной предвзятости при применении поведенческих уровней на практике [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Принципы объективности, прозрачности и единообразия в оценке поведения вступают в противоречие с тем фундаментальным обстоятельством, что реализация любой системы оценок в закрытом учреждении опирается на дискреционные полномочия и субъективное восприятие сотрудников, непосредственно взаимодействующих с индивидами [Clifford, 2019]. Именно эти сотрудники выступают в роли первичных агентов оценки, интерпретируя поведенческие проявления и принимая решения о применении поощрений или санкций [Albertson, 2026].

Данное субъективное звено вносит в функционирование системы существенный элемент неопределённости и становится потенциальным источником несправедливости, способной подорвать легитимность всего институционального порядка в глазах подчинённого населения [Deambrogio, 2025]. Многочисленные исследования в области организационной психологии и социологии права неоднократно демонстрировали, что восприятие справедливости применяемых процедур и общий моральный климат учреждения являются ключевыми предикторами уровня благополучия индивидов и их готовности к добровольному соблюдению правил [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019]. Когда процедурные нормы применяются непоследовательно или воспринимаются как нечувствительные к индивидуальным особенностям, легитимность властных отношений в глазах осуждённых неизбежно разрушается [Albertson, 2026].

Особую остроту проблема субъективной предвзятости приобретает применительно к уязвимым категориям, в частности, к лицам с нейроотличиями (расстройства аутистического спектра, синдром дефицита внимания и гиперактивности, иные когнитивные и эмоциональные особенности развития) [Prins, 1995; McMurran, 1994]. Традиционные критерии оценки поведения ориентированы на внешне наблюдаемые проявления сотрудничества, коммуникативной компетентности, эмоциональной стабильности и готовности к безусловному принятию авторитета [Clifford, 2019]. Между тем, индивиды с нейроотличиями могут испытывать трудности в социальном взаимодействии, демонстрировать нестандартные поведенческие реакции на стресс или авторитарные требования [Hesselink-Louw, 2004].

Отсутствие у персонала специализированных знаний о природе нейроотличий создаёт высокий риск ошибочной интерпретации таких особенностей как актов сознательного неподчинения [Prins, 1995; Albertson, 2026]. Это не только создаёт для указанных лиц несправедливые препятствия в продвижении по поведенческим уровням, но и существенно усугубляет их психологический дистресс и социальную изоляцию [Clifford, 2019]. Такой подход противоречит международным стандартам обращения с заключёнными с особыми потребностями (в частности, Руководящим принципам ООН по вопросам отправления правосудия в отношении детей-инвалидов и лиц с нарушениями развития) [Ross, 2026].

Дополнительным фактором, снижающим эффективность систем поведенческих уровней, выступает нерелевантность структуры привилегий для значительной части индивидов [Hesselink-Louw, 2004; Lösel, 2001]. Принцип, согласно которому доступ к благам служит универсальным мотиватором, оказывается несостоятельным перед лицом индивидуального многообразия потребностей, ценностных ориентаций и жизненных обстоятельств [Clifford, 2019]. Для индивида, у которого отсутствуют семейные связи или который не заинтересован в доступе к досутовым мероприятиям, данные классические привилегии теряют стимулирующую силу, поскольку не затрагивают актуальной мотивационной сферы [Lösel, 2001].

В ситуациях, когда индивид в силу дисциплинарного статуса лишается доступа к образовательным или трудовым программам (которые потенциально могли бы стать для него значимыми), он попадает в ситуацию объективного дефицита возможностей для позитивной поведенческой активности [Walton, Elliott, 2025]. Это приводит к институциональной консервации его положения на низших уровнях [Clifford, 2019]. Отсутствие доступа к деятельностным опциям, открывающим путь к привилегиям, только закрепляет статус дезадаптированного [Hesselink-Louw, 2004]. Таким образом, универсалистский подход к конструированию системы стимулов, игнорирующий принципы индивидуализации, неизбежно порождает «зоны институциональной слепоты», где формально стимулирующая система перестаёт выполнять мотивирующую функцию [McMurrin, 1994; Lösel, 2001].

Масштабные исследования эффективности поведенческих программ в закрытых учреждениях дают неоднозначные и зачастую противоречивые результаты [Walton, Elliott, 2025; Lösel, 2001]. Количественный анализ официальных записей о нарушениях и применении дисциплинарных мер часто выявляет отсутствие статистически значимых различий между контрольными группами и группами, прошедшими через структурированные поведенческие программы, а в некоторых случаях фиксируется даже неблагоприятный эффект (рост числа инцидентов после завершения программы) [Dixon, Archer, Graham-Kevan, 2012]. Эти данные, полученные с использованием квазиэкспериментальных дизайнов и дополненные качественными интервью с участниками и персоналом, позволяют предположить, что сама по себе формальная структура не является гарантией позитивного результата и может при определённых условиях оказывать криминогенное воздействие [Walton, Elliott, 2025; McMurrin, 1994].

Этот вывод представляет вызов для управленческой практики, поскольку он указывает на то, что благие намерения реформаторов и техническая проработанность процедур не могут компенсировать фундаментальные недостатки поведенческой философии, положенной в основу таких программ [Lösel, 2001]. Эффективность вмешательства определяется не столько его внешней структурой, сколько качеством межличностного взаимодействия, психологической компетентностью персонала и степенью индивидуализации подхода [Clifford, 2019; Deambrogio, 2025]. Успешные примеры применения функционального анализа и поведенческих контрактов для адресной работы с проблемными моделями подтверждают, что ключевым элементом успеха выступает не система внешнего контроля, а установление доверительных отношений и создание условий, в которых индивид обучается альтернативным, социально приемлемым способам удовлетворения потребностей [McMurrin, 1994; Hesselink-Louw, 2004].

С правовой точки зрения, внедрение программ, не имеющих подтверждённой эффективности, ставит вопрос об обоснованности вмешательства в права осуждённых [Ross, 2026]. Согласно принципу минимальной достаточности ограничений, любые меры, затрагивающие права и свободы осуждённых, должны быть не только законными, но и целесообразными с точки зрения достижения целей наказания [Prins, 1995]. Отсутствие

доказанной эффективности систем поведенческих уровней может рассматриваться как основание для пересмотра их правовой регламентации и, возможно, для ограничения их применения в пользу более гуманных и научно обоснованных альтернатив [Ross, 2026; Deambrogio, 2025].

В свете вышеизложенного особую значимость приобретает анализ соответствия систем поведенческих уровней современным международно-правовым стандартам [Ross, 2026]. Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (правила Нельсона Манделы, 2015) закрепляют принцип, согласно которому режим содержания должен быть направлен на ресоциализацию и не должен усугублять страдания, не обусловленные лишением свободы (правило 3) [Ross, 2026]. Правило 25 устанавливает, что дисциплинарные меры должны применяться только в соответствии с законом и не должны включать жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения [Ross, 2026; Prins, 1995]. Системы поведенческих уровней, которые фактически превращаются в инструмент постоянного негативного контроля и субъективной дискреции, могут не соответствовать этим требованиям, особенно в части, касающейся пропорциональности и предсказуемости санкций [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026].

Перспективным направлением видится внедрение механизмов, сочетающих формализованные критерии оценки с элементами индивидуального подхода, а также усиление роли психологической службы и института уполномоченных по правам человека в мониторинге применения поведенческих уровней [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019]. Такой подход согласуется с рекомендациями Европейского комитета по предотвращению пыток (CPT), который неоднократно указывал на необходимость прозрачных процедур перевода осуждённых на более строгие условия содержания [Ross, 2026].

Заключение

Критическое осмысление систем поведенческих уровней в контексте фундаментальных положений пенитенциарной науки приводит к необходимости пересмотра философии управления поведением в местах изоляции [Lösel, 2001; Deambrogio, 2025]. Научный анализ требует признания того факта, что модели, основанные на бихевиористских принципах внешнего подкрепления и негативного контроля, будучи перенесёнными в сложную социальную среду закрытого учреждения, подвергаются существенной трансформации и дают непредвиденные, зачастую деструктивные эффекты [Walton, Elliott, 2025; McMurren, 1994].

Иерархические системы оценки поведения чреваты рисками субъективизма и институциональной несправедливости, которые подрывают их легитимность и снижают реальную эффективность как инструментов управления [Deambrogio, 2025; Albertson, 2026]. Для того чтобы институциональная среда могла стать конструктивным инструментом формирования просоциальных установок, необходим переход от управленческой парадигмы, ориентированной на контроль через ограничение и негативное подкрепление, к парадигме, основанной на вовлечении через развитие и создание значимых перспектив [Clifford, 2019; Lösel, 2001].

Это предполагает смещение акцента на систематическое применение позитивного подкрепления, адаптацию стимулирующих программ к индивидуальным потребностям и мотивационным профилям, а также критическую ревизию критериев оценки «хорошего» поведения [Hesselink-Louw, 2004; McMurren, 1994]. Устойчивая трансформация поведенческих паттернов достигается не столько через внешнее принуждение, сколько через внутреннюю

перестройку ценностно-смысловой сферы личности, которая может быть стимулирована созданием условий для развития самоуважения, ответственности и социально компетентных навыков решения проблем [Deambrogio, 2025; Clifford, 2019].

Библиография

1. Albertson K. Conceptualising service-user engagement in the criminal justice system as infrastructure: A prison council case study // *Criminology & Criminal Justice*. – 2026. – С. 17488958261454459.
2. Clifford D. *Social Assessment Theory and Practice: A multi-disciplinary framework*. – Routledge, 2019.
3. Deambrogio C. Procedural justice and prison legitimacy: Towards a democratic model of inmate participation // *Oxford Journal of Legal Studies*. – 2025. – Т. 45. – №. 3. – С. 801-820.
4. Dixon L., Archer J., Graham-Kevan N. Perpetrator programmes for partner violence: Are they based on ideology or evidence? // *Legal and Criminological Psychology*. – 2012. – Т. 17. – №. 2. – С. 196-215.
5. Hesselink-Louw A. M. E. *Criminological assessment of prison inmates: A constructive mechanism towards offender rehabilitation*. – University of South Africa (South Africa), 2004.
6. Lösel F. Evaluating the effectiveness of correctional programs: Bridging the gap between research and practice // *Offender rehabilitation in practice: Implementing and evaluating effective programs*. – 2001. – С. 67-92.
7. McMurran M. Assessment of criminal behaviours of clients in secure settings // *Psychology, Crime and Law*. – 1994. – Т. 1. – №. 2. – С. 187-191.
8. Prins H. 'I've Got a Little List' (Koko: Mikado). But is it Any Use? Comments on the Forensic Aspects of 'Supervision Registers' for the Mentally Ill // *Medicine, Science and the Law*. – 1995. – Т. 35. – №. 3. – С. 218-224.
9. Ross J. I. Do the Conditions inside the United States Federal Bureau of Prisons Facilities Violate the Nelson Mandela Rules on detention? // *The Prison Journal*. – 2026. – Т. 106. – №. 3. – С. 292-316.
10. Walton J. S., Elliott I. A. A review of general cognitive-behavioral programs in English and Welsh prisons and probation services: Three decades of quasi-experimental evaluations // *American Psychologist*. – 2025. – Т. 80. – №. 6. – С. 910.

Legal Restrictions on the Use of Behavioral Assessment Systems in the Penitentiary Environment in Foreign Countries

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article analyzes the use of hierarchical behavioral assessment systems (behavioral levels) in penitentiary institutions of foreign countries as a tool for managing the behavior of convicted persons. Based on the synthesis of data from penitentiary sociology, social psychology of closed institutions, and the theory of operant conditioning, the functional paradoxes of such systems are revealed: the transformation of a stimulating model into predominantly negative control, the deprivation effect, subjectivity of assessment and institutional bias, and the irrelevance of the privilege structure for individual motivational profiles. Particular attention is paid to the legal restrictions on their use: compliance of the systems with the principles of legality, proportionality,

legal certainty, and respect for personal dignity, enshrined in international acts (the Nelson Mandela Rules) and the national legislations of foreign states. The risks of violating the principle of equality, the absence of effective appeal mechanisms, and the problem of discrimination against vulnerable categories (persons with neurodivergence) are analyzed. Based on empirical data on the ambiguous effectiveness of behavioral programs, the necessity of transitioning from the paradigm of control through restriction to the paradigm of engagement through development, as well as strengthening legal guarantees, judicial control, and the psychological competence of staff, is substantiated. It is concluded that an institutional environment formed on formally rational but defective behavioral models may act not as a factor of resocialization but as a factor of consolidating maladaptive patterns, which requires the development of unified international legal standards for assessing such systems.

For citation

Novikov A.V. (2026) Pravovye ogranicheniya primeneniya sistem povedencheskoy otsenki v penitentsiarnoy srede v zarubezhnykh stranakh [Legal Restrictions on the Use of Behavioral Assessment Systems in the Penitentiary Environment in Foreign Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 594-601. DOI: 10.34670/AR.2026.77.50.061

Keywords

Penitentiary environment, behavioral levels, hierarchical assessment systems, maladaptation, negative control, subjectivism of assessment, principle of proportionality, Nelson Mandela Rules, penal enforcement legislation, resocialization, discretionary powers, judicial control, foreign experience, legal restrictions.

References

1. Albertson K. (2026) Conceptualising service-user engagement in the criminal justice system as infrastructure: A prison council case study. *Criminology & Criminal Justice*, 17488958261454459.
2. Clifford D. (2019). *Social Assessment Theory and Practice: A Multi-disciplinary Framework*. Routledge.
3. Deambrogio C. (2025). Procedural justice and prison legitimacy: Towards a democratic model of inmate participation. *Oxford Journal of Legal Studies*, 45(3), 801-820.
4. Dixon L., Archer J., Graham-Kevan N. (2012). Perpetrator programmes for partner violence: Are they based on ideology or evidence? *Legal and Criminological Psychology*, 17(2), 196-215.
5. Hesselink-Louw A.M.E. (2004). *Criminological Assessment of Prison Inmates: A Constructive Mechanism towards Offender Rehabilitation*. University of South Africa.
6. Lösel F. (2001). Evaluating the effectiveness of correctional programs: Bridging the gap between research and practice. In *Offender Rehabilitation in Practice: Implementing and Evaluating Effective Programs* (pp. 67-92).
7. McMurran M. (1994). Assessment of criminal behaviours of clients in secure settings. *Psychology, Crime and Law*, 1(2), 187-191.
8. Prins H. (1995). 'I've Got a Little List' (Koko: Mikado). But is it Any Use? Comments on the Forensic Aspects of 'Supervision Registers' for the Mentally Ill. *Medicine, Science and the Law*, 35(3), 218-224.
9. Ross J.I. (2026) Do the Conditions inside the United States Federal Bureau of Prisons Facilities Violate the Nelson Mandela Rules on Detention? *The Prison Journal*, 106(3), 292-316.
10. Walton J.S., Elliott I.A. (2025). A review of general cognitive-behavioral programs in English and Welsh prisons and probation services: Three decades of quasi-experimental evaluations. *American Psychologist*, 80(6), 910.